
Д. М. МОЛДАВСКИЙ

О некоторых чертах русской лубочной картинки

К числу многих проблем, все отчетливее встающих перед учеными, относится проблема интернациональных связей русской культуры. Усилия советских ученых, и в большой степени В. П. Адриановой-Перетц, положили конец представлению о замкнутости и оторванности национальной литературы и искусства и одновременно представлению о возможности механического перенесения сюжетных и образных схем из страны в страну, из эпохи в эпоху.

Весьма наглядным примером творческого знакомства национальной культуры и культур иноземных, — примером, одновременно утверждающим и широкие интернациональные связи русских мастеров и их связь с глубинами родного фольклора, служат лубочные картинки.

Иногда близость русских лубочных картин конца XVII—середины XVIII в. к картинам зарубежным представляется столь очевидной, что можно говорить о прямом и непосредственном влиянии. Но, как всегда, в решении этого вопроса надо быть крайне осторожным. Совпадения, даже весьма полные, не всегда являются утверждением заимствования как такового.

Помнится, какое впечатление произвело на нас в Музее народного искусства Тироля (Инсбрук, Австрия) знакомство с тирольской лубочной картинкой, изображающей журавля; вместо туловища его была нарисована человеческая голова, за нос которой этот журавль держался клювом; на заднем плане виднелись холмы и горы. Нам вспомнилась известная русская лубочная картинка, представляющая гордеца, который, «ходя журавлем, щиплет сам себя за нос».¹ Сходство было очевидным, если не считать, что русская картинка была дана как бы в зеркальном отражении, да еще в русском варианте горы были заменены многоэтажными теремами; кроме того, здесь появились деревья, кусты и цветы; во рту гордеца возникла трубочка, а борода исчезла.

Можно было бы сразу допустить непосредственное заимствование у австрийских мастеров; можно — и, вероятно, не без основания — предположить в русской картинке сатиру на молодое поколение людей Петровской эпохи с их пренебрежением ко многим чертам обрядов и быта Руси.

Но в этом вопросе следует быть осторожным. Мы не знаем промежуточных звеньев предполагаемого заимствования и можем лишь констатировать сюжетную параллельность.

Доказательством того, что вопрос о заимствовании решается не столь прямолинейно и просто, может служить другая лубочная картинка —

¹ Д. Ровинский. Русские народные картинки, г. I. СПб., 1900, стлб. 234